

ПРЕДИСЛОВИЕ

Здравствуй, читатель, перед тобой – произведение в редком жанре (роман в стихах). Кроме пушкинского «Евгения Онегина», я не знаю стихотворных романов, представляющих из себя что-то значимое, хотя, возможно, такие романы и есть. Я в смысле мастерства и творческого масштаба всегда хотел походить на А. Пушкина, как, наверное, любой литератор, пишущий в рифму – все хотят, но не у всех получается. Мой роман – заявка на определённое место в нашей русской литературе, на то, что у меня-то как раз получается. Заявку сделать – проще некуда, дальше жизнь неизбежно определяет, кто ты есть на самом деле. Для этого я к тебе, читатель, и обращаюсь: читай мой роман и говори, кто я есть, с большой степенью вероятности я тебе поверю.

Итак, роман этот я написал большей частью для себя, чтобы своё «я» показать. Люди посмотрят и скажут, как в действительности дело обстоит.

Но любимое моё слово в русском языке – «мы». Роман – о нас, с кем я в конце восьмидесятых и в

девяностые годы прошлого века работал под руководством выдающегося человека – Леонида Заманского. Так что роман написан ещё и для моих друзей того времени, с кем мы вместе трудились, боролись с врагами, помогали друзьям, веселились, зарабатывали деньги, теряли их, снова зарабатывали и снова веселились, чего долго грустить? Кроме Леонида Заманского, все мои герои в той или иной степени – вымышленные персонажи, но в некоторой степени и не вымышленные, сам же Леонид – яркая историческая фигура того времени, человек, создавший много бизнесов из ничего, на ровном месте, исключительно в силу своей энергии и своего таланта. Он творил добро на моих глазах – помогал раскрыться в полной мере тем людям, что приходили к нам на работу – сначала в кооператив «Эхо», затем в советско-австрийское предприятие «Геософт», затем в фирму «Геолинк», группу «Алеф» и т. д. Он занимался благотворительностью тогда, когда и слово-то это ещё толком не звучало – помогал людям деньгами, советами, действиями, а, самое главное – давал шанс на самореализацию практически каждому, с кем его сводила судьба. Он создавал новую Россию, так что роман я написал и для него тоже. Мне очень нравится то, что сделали такие люди, как Л. Заманский, т. к. мои земляки – молодые люди того времени, выращенные и воспитанные Лёней, у

меня до сих пор в большом авторитете, они продолжают активно работать и учат никогда не сдаваться тех, кто приходит им на смену.

Искать какие-то совпадения в описанных мной и имевших место в действительности событиях бесполезно, т. к. их было столько, что на много книг хватит. То, что я написал – не документальное, а художественное повествование, из этого и надо исходить, читая мою книгу.

Сергей Киреев

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Ну чего? Расскажу всё, как было:
Жизнь плелась, как хромая кобыла,
Как по прерии пьяный ковбой, –
Мы на службу послушно ходили,
Бормотуху по праздникам пили,
Хрень какую-то в речке удили,
Песни пели взахлёб, вразнобой.

Что такое эпоха застоя?
Это тихое время, простое,
Без особых примет и причуд, –
Все расклады ясны изначально:
Не высовывай нос, и нормально –
В смысле вряд ли его оторвут.

Я пахал день и ночь, словно зомби,
И однажды мой друг, Игорь Гомберг,
Как бы так от балды, невзначай,
Позвонил, типа, есть тут товарищ –
Влип конкретно. А ты в этом шарить,
Ты с ментами Вась-Вась. Выручай.

Что ж, ребята, известное дело:
Кто свои – заходи ко мне смело,

Это суть и основа основ –
Хоть вообще вне закона, хоть кто вы,
Я всегда к диалогу готовый
С дружбанами моих дружбанов.

Я не блистал ораторским талантом,
Я больше слушал и на ус мотал,
Я был таким внештатным консультантом –
Вопросы, типа, разные решал.

Товарищ тот, кому задали жару,
Который влип, пришёл ко мне домой –
В берете набок, как у Че Гевары,
Спортивный, ладный, жилистый такой.

Итак, знакомьтесь: человек без страха,
Потом со мною съевший соли пуд,
Поскольку жизнь была у нас не сахар,
Заманский Лёня – так его зовут.

Он первый был и главный по России,
Да по всему Союзу поставщик!
Меня его масштабы поразили,
Я их мозгами так и не постиг!

Гитары, синтезаторы «Ямаха»
И весь подобный профильный товар,
Пьянея от азарта и размаха,
На сотни тысяч Лёнька продавал –

Не в год, в неделю, – жизнь острее перца,
В которой уцелей ещё поди,
Он вёл годами, словно вместо сердца
Какой-то там вулкан в его груди

Горел, бурлил, пылал, не угасая,
И даже мне заметно горячей
Вот так вот стало, вдруг. За полчаса я
В его проблему вник до мелочей.

Его накрыли, вывели из тени,
Подручных взяли всех до одного.
Он рассказал без всякой мутотени
Историю провала своего.

– 2 –

Склад добра на дому для продажи
Он держал, был на стрёме, на страже,
И облава, как ядерный гриб,
Слева, справа его, с фронта, с тыла,

С головой, с потрохами накрыла –
Перехлёт, как бы так, перегиб!

Как бы этак его долбанула
Жизнь бревном по горбу. Даже скулы
Понятым от похмелья светло –
Обыск шёл семь часов. Всё забрали.
И в тоске трепыхалось, в печали
У майора кривое мурло.

Он сказал: «Тунеядец ты, Лёня!
Ну чего ты в углу, как на троне,
На своей табуретке сидишь?
Люди в космос геройски летают,
Пашут, сеют, моря покоряют,
Ты же только деньгой шелестишь!

Для чего ты живёшь? Для наживы,
Для буржуйских усад!» «Да пошли вы!» –
Лёня грохнул об стол кулаком,
А в ответ ему: «Вместе и выйдем.
План готов. Первый пункт очевиден –
Мы тебя на допрос повезём».

И вдруг подельщик Лёни, с кем крутил он
Свои дела, вошёл к нему: «Привет!»,

И тут же в лапы к этим крокодилам
Попал, как говорится, на обед.

Они сперва приветливо кивали,
Потом его и Лёньку вместе с ним
В железные браслеты заковали:
«А вот теперь, друзья, поговорим!»

И в КПЗ, где стены цвета хаки,
На них наехал опер, словно танк,
И Лёня, мастер яростной атаки,
Сказал себе: «Ну всё, иду ва-банк!»

До нервных спазм, до судорог на рыле
Он на ментов орал, что их майор
Специально тут нагнал пурги и пыли,
Что он и есть подлец и главный вор,

Мол, понятия с ним в привычном стиле,
Уроды и козлы, ходячий бред,
На обыске в клозете водку пили,
А сам он, гад, заныкал мой берет!

«Я в КГБ на вас подам заявку,
Вам там прочистят, падлам, все мозги!

Я там у них по родственному праву
Имею кой-какие рычаги!»

Полкан, что всех главней, устав от крика,
Задумался: а кто он, этот псих?
Да и берет вообще-то был заныкан –
Не удержался кто-то из своих!

И вот статью подельнику вменили –
Раскрыт по полной крупный эпизод!
А Лёню под расписку отпустили,
Что он потом по вызову придёт.

– 3 –

Снег тяжёлый за окнами сыпал,
Лёня паузу взял, чаю выпил,
Лёня знал: будут битвы, бои –
Злые, долгие с ними со всеми.
Я сказал ему: «Самое время
Перспективы прикинуть твои.

Да, ты взял их на понт. Получилось.
Словно что-то слегка отключилось
У ментов по щелчку в голове.
Только ты по-любому на мушку

К ним попал. Будет топтать наружка
День и ночь за тобой по Москве.

Для чего? Чтоб законно, по праву,
Снова-заново в ходе облавы
Раскулачить тебя в пух и прах.
А потом – как надрез по живому –
Скорый суд, срок, этап – ничего, мол,
Перебьёшься на первых порах!»

Лёня брови густые скукожил:
«А чего на вторых?» «Да всё то же,
И на третьих порах, и всегда –
Всё захватить, отнять – их задача,
Чтоб скулил ты и выл по-собачьи,
Всё иное – обман, ерунда».

«Такие вот дела, – сказал я Лёне –
Чтоб им от пуза сладко есть и пить,
Они тебя достанут и на зоне,
И будут до последнего доить».

«Не, мне туда не надо, – он ответил, –
Другой несу я в сердце идеал».
И я ему про их силки и сети,
Про хитрые капканы рассказал.

При Брежневe, Андропове, Черненко
Я рядом с этой братией служил,
Особенности все их и оттенки
Я Лёньке тут же, с ходу разложил.

«Там нет лохóв, забудь, ты слышишь, Лёня?
И если ты отважный, как Чапай,
Засунь свою отвагу – ну, ты понял,
И сам себе могилу не копай!...

Ты должен мыслить холодно и сухо,
Загривком, шкурой чуют их, хребтом,
Ногтями, каждой клеткой, волчьим нюхом,
Но всё равно шагать своим путём».

Мы план с ним набросали, где скрываться,
И как оттуда вовремя свалить,
Чтоб лишний раз уже не нарываться,
А из подполья бизнесом рулить.

В окне растаял сумрак предрассветный,
У Лёньки рассосался первый шок.
Не то, чтоб я помог ему конкретно,
Но кое от чего предостерёг.

Должны же для грядущего потомства
Героев сохраняться имена.
Такая вот история знакомства
С Заманским Лёней вышла у меня.

– 4 –

Нам тогда было ясно обоим,
Что не стал ещё Лёнька героем, –
Он работал, как зверь, день и ночь, –
Стиль простой – делай так-то и так-то,
Чтобы в ходе рабочих контактов
Воду в ступе зазря не толочь.

Мы два года почти не видались,
По отдельности с жизнью бодались,
И как будто ударила всем
По мозгам спиртовая настойка:
То да сё, Горбачёв, перестройка,
Мирный курс, миллион новых тем.

Он меня отыскал: «Ну, здоро́во!
Вроде всё и не так уж ...
Не смогла меня жизнь повалить!
У меня с ней особые счёты.

Приглашаю тебя на работу –
Безопасностью будешь рулить».

«Как? Чего?» – я спросил для порядка.
Он ответил, смеясь: «Ой, не сладко
Быть со мною вблизи – тяжкий труд!»
Я, признаться, недолго ломался –
Не с Луны ведь свалился, не с Марса –
К Лёньке дважды, я знал, не зовут.

Известный мастер дружеских объятий,
Он сам в них, как рыбак под лёд, попал –
С австрийцами совместных предприятий
Пятнадцать штук почти что наклепал.

Из них двенадцать сразу дали дуба,
Как будто в них железный вбили крюк,
Там было всё бездарно и беззубо.
Там комиссарил Лёнькин старый друг.

Пропало всё, и никакой зацепки!
Исчез недавно купленный металл,
Компьютеры, столы и даже скрепки.
И друг куда-то в Штаты умотал.

Две фирмы тоже быстро околели,
Осталась из пятнадцати одна,
Вот с ней мы и пошли к великой цели,
Ни отдыха не ведая, ни сна.

Сомнения свои, как мелких мошек,
Давили мы, как плесень на бревне, –
От синхрофазотронов до матрёшек
Поставки наши были по стране.

При Лёньке всякий сброд любил болтаться –
Он всем принципиально шанс давал,
Сказав мне ничему не удивляться,
Но, если честно, я охреневал.

К нему такие клоуны порою
Насчёт партнёрства выгодного шли,
Что гнать бы их к чертям стальной метлою,
Но не было её. Не завели.

Он был как дуб, они – как стая белок,
Что скачут по нему среди ветвей.
Но был стабильный плюс по сумме сделок,
И Лёня веселился: всё О'К!

– 5 –

Жизнь текла. Бизнес двигался в гору,
Люди шли к нам гурьбой по набору,
С кем по смыслу имелось родство.
Лёнькин стиль – он простой: скорость, сила!
Нас под сто человек уже было.
Он царил. Мы любили его.

Он нормальных понятий держался –
Он не только с чужими якшался,
Он своим заработать давал,
А про грёбанных этих партнёров –
Дураков, подлецов и позёров –
Нам реальный расклад рисовал:

Так устроено, мол, у природы:
Девяносто процентов – уроды,
Восемь-девять – крошечная мгла,
Но один-то процентик всегда ведь
Может в нужное русло направить
Наши мысли и наши дела.

Мы дивились на хитрого Лёньку:
В производство уже потихоньку
Мы залезли. Теперь каждый день

Наши парни в глубоком подвале
Непонятную мне собирали
Электронную всякую хрень.

– 6 –

Прости, читатель, я гуманитарий,
И я в приборах этих ни бум-бум!
Я мастер, спец в аккордах на гитаре,
А в вольтах и амперах – тугодум.

Но с нашими парнями непростыми
Я в суть вещей проник потом слегка:
Еженедельно перед выходными
Я ставил им поллитру коньяка!

Они мне разъяснили эту тему,
Я был у них прилежный ученик,
Какую-то, вон, даже микросхему
Я в первом приближении постиг.

И вот очередное чудо-юдо
Явилось к Лёньке – целый коллектив –
Пять человек – пришли и просят ссуду,
Уже чего-то с кем-то замутив.

«Куда ж у вас, – спросил он, – сердце рвётся?
Какие вам мерещатся призы?»

«А слово есть такое – лозоходцы!
Мы ищем воду с помощью лозы! –

Вот так они в ответ ему сказали,
Галдя весёлым хором вразнобой, –
Нам этот способ предки завещали,
Где дефицит воды, там мы с лозой!

Под глинообразующей породой
Мы водный горизонт всегда найдём,
Поскольку мы «на ты» с родной природой!
Мы здесь любые бабки отобьём!

Старинные секреты применяя,
Мы можем завсегда вопрос решить,
Ведь без воды помрёт страна родная,
При том, что ей ещё бы жить да жить!

Сравни нас хоть с Америкой, с Китаем,
Наш способ эффективнее в разы.
Мы круче всех. Мы это точно знаем.
Мы ищем воду с помощью лозы!»

– 7 –

И сказал озадаченный Лёня:
«Или что-то я тут недопонял,
Или надо ещё раз спросить:
В чём прикол?» И ответ получил он:
«Нам в любом лабиринте по силам
Отыскать путеводную нить».

«Леонид, скептицизм неуместен –
Их старшой заявил, – дело чести,
Чтобы мы показали свой класс!
Сразу несколько водных артерий
Мы найдём, и на ихнем примере
Вся Россия узнает про нас!

И заказы пойдут отовсюду,
Мы погасим её, эту ссуду,
И совместно уже будем впредь
С вами тыщи косить, миллионы,
И на нас, прямо как на иконы,
Будут люди в журналах смотреть!»

Лёня, сказками вдоволь насытись,
«Хватит, парни – сказал, – от...тись!»
Он пять тысяч советских рублей

Лозоходцам вручил: «Вот вам, с Богом!»
И пошли они вдаль лесом, логом, –
Да, с деньгами оно веселей!

Я спросил его: «Лёнь, ты рехнулся?»
Он опять, как всегда, отмахнулся:
«Пусть попробуют делать дела!»
Но они к нам обратно вернулись
Через день. Или попросту сдулись,
Или пьянка большая была!

Их старший, от похмелья погибая,
Пустил скудную мутную слезу:
И, помолчав, сказал: «Тут хрень такая –
Мы срезали ножом не ту лозу!

Поэтому и нету результата,
Поэтому и пили мы три дня.
Не то, чтоб мы совсем не виноваты,
Тут более глубокая ...ня!

Не всем присуща истинная святость.
Да, это был пилотный наш проект.
Да, в нём была своя шероховатость,
Когда нам перемкнуло интеллект.

Бюджетец был у нас немного хлипкий.
Повторный выход нужен, без обид.
Мы в этот раз исправим все ошибки.
Ещё три тыщи можно, Леонид?»

Пропеть «Шумел камыш, деревья гнулись»
Он попытался, сволочь, но не смог.
Он деньги взял. И вновь они вернулись –
Не деньги, люди. Мрачен был итог.

Они полезных данных не добыли
Насчёт там где, куда течёт вода.
Они два раза тупо всё пропили
И канули с концами навсегда.

Признаться, я хотел им сесть на пятки, –
Догнать, достать. Но Лёня мне сказал:
«Я дал им шанс. А, значит, всё в порядке.
Забудь про них. Своих тут дел завал».

И в небеса, в окно куда-то глядя,
Он напоследок тихо произнёс:
«Не лозоходцы вы, а просто б...
Из-за таких тут всё наперекос».

Он зрачки свои чёрные сузил.
Он сказал, что в Советском Союзе
Не осталось уже ни хрена
У людей никакой дисциплины,
И плывёт в никуда вроде льдины
По течению наша страна.

«Эта льдина однажды растает, –
Он вздохнул, – а причина простая:
Мудаки – наша вечная боль.
Да, всё криво кругом, наизнанку, –
Вот и я проспонсировал пьянку, –
Так теперь получается, что ль?»

Ладно, братцы, долой рефлексию,
Я люблю всей душою Россию,
Пусть она без цепей, без оков,
Вдаль плывёт, вся такая громада,
Сквозь ненастье и тьму, куда надо,
И чтоб не было в ней мудаков».

Это я процитировал Лёню,
Чтобы ясно, к чему он всё клонит,

Было тем, кто на б...во и чушь
В телевизоре смотрит часами.
Хоть и бьётся в груди его пламя,
Лёня логике вовсе не чужд!

А я провёл пошаговый анализ,
И я в конечном счёте угадал:
Посредниками, суки, оказались
Те клоуны, кому он денег дал.

Знакомый опер мне шепнул на ушко
Одну из неприятных новостей:
«Они со всех лохов сдирают стружку,
Разводят вас, кретинов, как детей!»

Но вот уже нырнул к нам, как в колодец,
Пришёл свои замаливать грехи
Аутентичный, как бы, лозоходец,
Нормальный, настоящий, от сохи,

Точней, от рамки из лозы ивовой.
«Простите! – он с порога завопил, –
Не в том мой грех, что тесно в ней, хреново,
А в том, что я с посредниками пил!»

Лоза там, ива – это дело вкуса.
Он показал невиданную прыть,
Он начал бани из бревна и бруса
На деньги нашей фирмы возводить.

Он в рынок всеми зубьями вгрызался,
И даже я был вынужден признать,
Что он нормальным парнем оказался,
Да самому Заманскому под стать!

И не сказать, чтоб так уж с перепоею
Бесился он, буянил, щурил глаз:
«Я всю страну от копоты отмою
В тех банях, что я строю на заказ!»

В закатном небе тучи, словно тряпки,
Тихонько тлели. Лёня нам сказал:
«Нет, мы не потеряли наши бабки,
У нас успешный бизнес стартовал!»

– 9 –

Да, таков мой начальник, ребята,
Он любую утерю, утрату
Всё равно превратит в капитал.

В этот раз, как всегда, получилось,
Но другая беда приключилась:
Программист наш куда-то пропал.

Он у нас был в особом почёте,
Он, как факел, горел на работе,
А потом потихоньку остыл.
Назовём его так: Коля Пронин.
Я, надеюсь, читатель, ты понял,
Что фамилию я изменил.

Лёня был в это время в Париже.
Я ему позвонил. «Так ищи же! –
Заорал он, – исчез? Ну и ну!
Ты ж у нас аналитик и сыщик,
А что версий в башке до хренища,
Ты найди основную, одну!»

В этом деле звездой или солнцем,
Охренительным Шерлоком Холмсом
Как-то даже я не был, но вот
Будто током насквозь мне прошло
Полбашки. Будто острое шило
Мне вошло между рёбер в живот.

Я вспомнил, как однажды Коля Пронин
В курилке, отдыхая от забот,
Спросил: «А где Мичурин похоронен,
Известный наш советский садовод?»

Никто не знал. Никто и не ответил.
«Зачем тебе?» – и Коля объяснил:
«Из всех людей, кто жил на этом свете,
Лишь только он один меня пленил!

Душою и талантом – умник, гений!
Умнее в мире нету никого!
Он столько навывращивал растений,
Что хрен вы переплюнете его!

Хочу, – сказал, – почтить его могилу,
Хочу букет на мраморной плите
Оставить, чтоб душе спокойно было,
Как птицам в поднебесной высоте!»

Признаться, мы немного удивились.
К чему бы это всё? «Послушай, Коль,
Нам кажется, тут вредный фактор вылез –
А именно чрезмерный алкоголь.

Ну кто в нормальном виде, не под пыткой
Нести способен этакую хрень?
Лишь у кого от крепкого напитка
Мозги немного сносит набекрень».

Мы как-то даже были в лёгком шоке,
Когда он нам сказал, что у него
Растут на огороде артишоки,
В которых мы не смыслим ничего.

Мы многого не знаем в этой жизни,
И Коля пояснил, что, мол, они
Цирроз предотвращают в организме,
А это актуально в наши дни.

– 10 –

Интересная, в общем, картина,
Я все факты собрал воедино –
Тут не просто одна болтовня,
Тут проклюнулся контур сюжетный –
Это я объясняю конкретно,
В чём и как осенило меня.

Он же дачник! А что это значит?
Что искать его надо на даче!

Там какой-никакой огород –
Может, он там наткнулся на вилы,
Или балка его придавила
В ходе срочных ремонтных работ,

Или даже коза забодала –
Там свои отморозки, вандалы!
Или шмель, агрессивный подлец,
Укусил его, нашего Колю,
И тоска у него поневоле,
Что уже ему крышка, конец!

Вон как всё я распутал, расчислил,
И в каком-то, наверное, смысле
Шерлок Холмс я по складу ума!
Да, дедукция – дело такое,
Что как начал кумекать башкою,
Всё решит она дальше сама!

Короче, в этих мыслях, в тот же вечер
Я встретил Лёню в аэропорту,
И мы с ним понеслись, мотор калеча,
В какую-то глухую темноту.

От скорости, казалось, даже пламя
Беснуется у нас под колесом,

И Лёня, впившись в руль, скрипел зубами:
«Держись, Колюха, мы тебя спасём!»

Поскольку против лома нет приёма,
Я захватил с собою некий ствол,
Который я на рынке возле дома
Недавно по дешёвке приобрёл.

Держать в бою равнение на знамя
И топать без оружия вперёд
Непродуктивно, если вдруг с ломами
Тебя встречают люди у ворот.

Что ж, два часа — и мы почти у цели —
Заросший старый пруд, густая рожь,
Посёлочек — и мы в него влетели —
Дубки там, что ли, Горки, хрен поймёшь.

И сразу — бряк! В какое-то болото,
В разлившуюся грязь, точнее сказать,
Мы плюхнулись, аж даже неохота
Теперь про всё про это вспоминать.

Кругом одна сплошная темнотища.
Мы вылезли, и, жалок, одинок,

На нас глядит, как будто что-то ищет
С пригорка непонятный огонёк.

Что ж, нам туда, ведь знают даже дети,
Что в темноте прокладывать пути
Имеет смысл лишь там, где что-то светит,
Куда хоть как-то можно доползти.

– 11 –

Мы за час доплелись. Скромный домик
У обрыва стоит, словно гномик,
Мы в него потихоньку вошли.
Мужики за столом выпивают
И романс под гармонь исполняют,
Что цветы, мол, в саду отцвели.

Я немного знаком с этой темой.
Там не просто цветы – хризантемы,
Там серьёзное дело, любовь!
Серый кот среди хлама и сора
Спит, подлец. И участники хора
Нам по полной налили без слов.

И, махнув стопаря для сугрева,
Мы включились по ходу припева –

Так сказать, поддержали вокал!
Я гляжу, а в углу у окошка
Коля Пронин рубает крошку –
Программист наш, который пропал!

Мы к стене его с Лёнькой припёрли:
«Руки вверх!» Он мычал, будто в горле
Перекрыли ему кислород,
Будто рот залепили замазкой,
И сказал ему Лёня Заманский:
«Ты чего натворил, идиот?»

Который день уж только нам и снится,
Что где-то ты один – вдали, в беде.
Твоя жена все морги и больницы
Обшарила, но нет тебя нигде.

Без смысла, как абстрактная скульптура,
Компьютер на работе твой стоит,
Залита коньяком клавиатура,
И пивом, и портвейном стол залит.

На то свои особые причины:
Стеная втихомолку и скорбя
Ввиду твоей безвременной кончины,
Твои коллеги пили за тебя.

Они потом на закуску поднажали,
Пошли, как говорится, напролом, –
Системный блок царапая ножами,
Они селёдку резали на нём.

Для них-то было всё как на ладони,
Раз нет тебя – отсюда этот шаг!
Из-за тебя, выходит, Коля Пронин,
У нас теперь с оргтехникой бардак».

Тяжёлый, рыхлый, серый, словно студень,
Табачный дым нам глотки забивал.
«Ты нам скажи, а кто все эти люди, –
Спросил я Колю, — с кем ты выпивал

Все эти дни, с кем был душевно близок,
В салат кромсал солёный огурец,
И сам-то не мираж ли ты, не призрак,
И где твоя машина, наконец?!»

И зубы, как патроны в патронташе,
Забрякали в его раскрытом рту.
Он улыбнулся: «Там же, где и ваша, –
Ушла на дно, в пучину, в темноту».

– 12 –

Он сказал: «Я по делу на дачу
На полдня завернул. Я не трачу
Драгоценного времени зря.
Еле-еле последние мили
Я проехал – дожди молотили
Всю неделю в конце сентября.

Хоть бы как доползти – не до жиру;
Лужи, лужи, как чёрные дыры,
А одна, вон, размером с Байкал,
Ну, почти что с него, и в неё-то
Я на спуске, в конце поворота,
Как последний придурок, попал.

И под ветра осеннего вопли
«Жигули» мои сразу утопли,
Я пошёл вместе с ними на дно.
Всё не так под водой, всё кривое,
Я окно выбивал головою,
Бог со мной был в тот день заодно.

Это факт, потому что я вылез.
Там мальки надо мною глумились:
«Не спеши, оставайся, чудак!»

Ну и что мне сказать теперь, братцы –
Что в России нельзя расслабляться?
Так ведь это все знают и так!»

Короче, где-то он в далёкой дали
Нашёл и трос, и трактор, кинул клич
Парням, которых мы и увидали,
Приходящих Колькин магарыч.

Да, вот они, нормальные ребята, –
Бульдозерист, механик, комбайнёр, –
Димон, Петруха, Зотовы – два брата,
Витёк и Васька – в общем, весь набор.

Там всё, что надо, булькает в бокале.
Нам предложили рядышком присесть.
«Ребята, выручайте, – мы сказали, –
За нами не заржавит, деньги есть».

Димон ответил: «Есть альтернатива –
Ваш Колька научил меня словам,
Звучащим непривычно и красиво,
Так вот я расшифровку лучше дам.

Вы можете ответственно и смело
Уважить наш рабочий коллектив,